

Л. Л. Сауленко

ТОТАЛИТАРНЫЙ СМЕХ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

Что за смешки в реконструктивный период?

И. Ильф, Е. Петров

С тех пор, как заступы и кирки рабочих Роберта Кольдевея извлекли на свет среди других остатков библейского Вавилона гигантские каменные своды, черпалки, остатки поливной системы и т.п. и стало ясно, что висячие сады Семирамиды – не плод безудержной фантазии древних, а реальное сооружение трехтысячелетней давности, возник вопрос. Вопрос элементарный: а кто такая эта Семирамида? – «Царица!» – дружно ответим мы. «Какая?» – продолжает вопрошать востоковедение, и имеет на то все права. Ведь Семирамид, более-менее подходящих по возрасту (в смысле дат жизни) и месту обитания (Древний Восток) в истории имеется несколько. Это царицы, супруги царей, самозванки с именами Шамрамат и похожими. Затесалась даже сиротка-дочь богини, вскормленная голубями (за что и получила благозвучное имя «Семирамида», в переводе с греческого «голубка» – хотя с какой стати жителям Вавилона было называть будущую царицу словом из неведомого им языка?..) О каждой из претенденток сохранились сведения различной степени правдоподобности. К примеру, такие.

...Жила-была красивая девушка. Приглянулась она царскому военачальнику, и взял он ее к себе, и сделал супругой, и жили они, как голубки. Но пришла ему пора ехать на войну. Соскучилась молодая жена и отправилась вслед. Приехала к мужу, оглядела цепким женским взором театр боевых действий и отметила недоработки стратегического и тактического характера. Умный муж, в силу древневосточного происхождения еще не знакомый с поговоркой «Послушай женщину и сделай...», к советам прислушался и в том сражении блистательно победил. Как полагается, устроили пир (как полагается, на весь мир), и на пиру том приглянулась жена самому царю. Дальше, ясное дело, у мужа голова с плеч, а жену – в царский дворец. И любил ее царь так, что сказал: «Выполню любое твоё желание, проси что хочешь». И попросила красавица не аленький цветочек или другой какой пустячок-сувенирчик из-за тридевяти земель, а вещь здешнюю, полезную и, что главное, ненадолго попросила. Сказала она царю: «Отдай мне власть на три дня». И, знамо дело, власть ту получила. Употребила ее, надо сказать, во благо и удовольствие: в первый день устроила пир горой, а на том пиру перезнакомилась с царскими сановниками, особенно с недовольными. Составили заговор (дело привычное), и на второй день царь уже был казнен, а царицей стала законная супруга. Первый указ, ею изданный, гласил: всех участников заговора казнить за измену законному царю. И стала она править...впрочем, дальше несущественно, да и некогда. Ввиду ограниченности объема мы вынуждены незамедлительно перейти к следующей части, а именно: к означенной в заглавии тоталитарной культуре.

Итак, во времена стремительного движения Союза Советских Социалистических Республик к столь же стремительному развалу ходил анекдот. Докладывают М.С.Горбачеву, что республики Прибалтики просят независимости на 2 часа. Горбачев либерально машет рукой: «Да пусть потешатся, подумаешь – два часа!» Через час представитель «компетентных органов» докладывает: «Михаил Сергеевич, они час назад объявили войну Финляндии!» – «Что за глупая шутка!» – «Не скажите, Михаил Сергеевич: они сорок минут тому назад признали свое поражение и капитулировали ».

Не правда ли, алгоритмы этих двух эпизодов из вымышленной жизни совпадают полностью? У них, как скажет литературовед, общий «пуант» – неожиданная развязка. Они построены по одной и той же схеме, и вполне можно утверждать, что *советский анекдот четко проецируется на древневосточную легенду*. Это обстоятельство можно считать простым совпадением, но можно поступить с ним по-иному, а именно: попытаться

использовать мифологические категории при рассмотрении и других аспектов тоталитарного смеха.

Первый из них связан с феноменом мифологического удвоения тоталитарного героя. Этот процесс начинается в шестидесятые годы, в период «оттепели». Дальнейшая его судьба требует отдельного описания уже в рамках посттоталитарной культурной ситуации.

...В шестидесятые годы, когда произошло «разоблачение культа личности», то есть для рядового советского человека приоткрылся краешек правды о беззакониях, чинимых от его имени в тридцатые годы, советская мифология завершает полный виток своего развития. Он выражается в охватившем общество увлечении революционной романтикой первых лет революции. В такую новую мифологию выливается возвращение к «истокам», к начальному периоду формирования советского мифа. Именно этот период мыслится как своего рода «золотой век» незыблемости идей – некий коммунистический Эдем, где в чистоте духа и аскезе тела обретались первые люди нового общества.

Резкие изменения происходят в это время и с героем тоталитарной культуры. Категория «героя» в советской культуре вполне мифологическая. Как в любой мифологической системе древности, ему присущи (приписываются, что то же самое) качества, ставящие его над человеческими возможностями. Герой труда – тот, чьи трудовые достижения превышают человеческие силы (забойщик Алексей Стаханов превысил норму выработки угля в 14 раз, двенадцатилетняя туркменка Мамлакат Нахангова перевыполнила норму сбора хлопка в 10 раз, и т.п.).

В шестидесятые годы привычные герои советской культуры становятся «героями вдвойне». *Тоталитарный герой получает трикстера* – плута, обманщика, комедийного «дублера», потомка героев близнечных мифов архаических культур. Речь идет о героях многочисленных серий анекдотов, повествующих о «железном Феликсе», Василии Ивановиче, Петьке и Анке, о крейсере «Аврора» – список легко продолжит каждый, чьи более-менее сознательные годы пришлось на время ранее 90-х.

Серьезный герой культуры к этому времени окончательно перемещается в тоталитарный ритуал, значение которого всеобъемлюще. Все сферы существования советского человека в пределе носят ритуальный характер. Печально известный (в смысле благополучно забытый) «Моральный кодекс строителя коммунизма», эта неуклюжая замена библейских Десяти заповедей и евангельской Нагорной проповеди, воплощал амбиции идеологии быть универсальным источником ответов и для повседневной жизни частного человека. С газетных страниц и экранов телевизоров неслись ритуальные формулы «верности идеалам» и «достойны памяти героев», молодожены, прежде чем попасть в ЗАГС, покорно возлагали цветы к памятникам погибшим и статуям вождей, перед началом партсобраний даже в захолустном ЖЭК-е избирался «почетный президиум в составе Президиума ЦК КПСС», партийный билет нового образца №1 выписывался на имя Владимира Ильича Ленина – и в это же время вся страна хохотала над анекдотами, герои которых носили те же имена. Происходит *удвоение героя* тоталитарной культуры.

Возвращение советского искусства в шестидесятые годы к образу «революционной романтики» первых лет было точкой, в которой мифологема советского культурного героя обнаружила свою *исчерпанность*. Дальше мог пойти только процесс его *обвальной трикстеризации*, что и произошло. Официальная мифологема героя остается отныне лишь для официального употребления: лозунг, собрание, телеэкран. Зато активно функционирует двойник. Форма его существования – анекдот, этот *словесный карнавал позднего тоталитаризма*. Он выполняет ту же функцию, что и карнавал в средневековой культуре, а именно: строит по ту сторону мира другой мир – мир смеховой культуры. «Наш миф уникален, – пишет Т.Чередниченко. – Объединяет он ... противоположные языки массовой культуры: рациональный, функционирующий в сфере идеологии и

политики, и чувственный, эмоциональный...Эта оппозиция опосредуется культурой анекдотов. Смех в ней – чувственной выражение социальной рефлексии» [2].

Особенно активно процесс «анекдотизации» тоталитарных мифологем пойдет с началом пресловутого «застоя». Двойником-трикстером обзаведется любой мало-мальски известный персонаж, реальный или вымышленный. Такое неразличие представляется нам вполне закономерным. Ведь и те герои, которые носят имена реальных людей, и те, кто является плодом вымысла, равны в своей нереальности. Это всегда имидж, сконструированный из идеологических потребностей с учетом возможностей «совкового» менталитета. К примеру, сочиняется в недрах идеологического отдела ЦК КПСС «идея молодежной трудовой вахты» (сиречь бесплатной работы) памяти погибших в Великой Отечественной войне. Для ее реализации берется строка из популярной песни «За того парня», подбирается подходящая кандидатура для инициатора почина – и пошло-поехало! Сценарий утвержден, роли розданы, энтузиазм изображен по разрядке. Митинги в поддержку, призывы работать «за того парня» индивидуально, бригадой, сменой. А в перерывах участники этих «принудиловок» упоенно рассказывают друг другу возникающие, как грибы после дождя, анекдоты на тему «за того парня». Когда на экраны выходит телевизионный сериал «Семнадцать мгновений весны» с любимцем женщин Вячеславом Тихоновым в роли советского разведчика Исаева-Штирлица, возникает буквально лавина анекдотов об этом несомненном претенденте на роль героя культуры.

Итак, в позднем тоталитаризме завершается полный виток спирали развития мифологемы тоталитарного героя. Он обзаводится трикстером. «Сочетание в одном лице серьезного культурного героя и трикстера, – пишет выдающийся специалист в области мифологии Е.Мелетинский, – вероятно, объясняется не только фактом широкой циклизации сюжетов вокруг популярных фольклорных персонажей, но и тем, что действие в этих циклах отнесено ко времени до установления строгого миропорядка – к мифическому времени. Это в значительной мере придает сказаниям о трикстерах характер легкой отдушины, известного «противоядия» мелочной регламентированности в родо-племенном обществе.... В типе трикстера как бы заключен некий универсальный комизм, распространяющийся и на одураченных жертв плута, и на высокие ритуалы.... Этот универсальный комизм сродни той карнавальной стихии, которая проявлялась в элементах самопародии и распушенности, имевших место в австралийских культовых ритуалах, римских сатурналиях, средневековой масленичной обрядности, «праздниках дураков» и др.»[1. – т. 2, с. 27].

Получив *мифологическую завершенность*, тоталитарный герой тем самым оказывается, в полном соответствии с героем архаического мифа, лишенным дальнейшего развития. Отныне его образ может лишь воспроизводиться в ритуале, главное требование которого – неизменность, точное воспроизведение алгоритма. Поэтому можно утверждать, что ***судьба тоталитарного героя предвосхитила судьбу всей советской культуры, а именно: невозможность ее дальнейшего развития в пределах существующей парадигмы.***

Когда тоталитарная парадигма разрушится, немедленно возникнет новый герой. Он гораздо ближе к трикстеру, чем его предшественник. Это, по сути, трикстер еще не существующего героя – типичный постмодернистский симулякр, подобие, лишенное подлинника. Короче говоря, это – Леня Голубков, новый народный герой, Иванушка-дурачок эпохи финансовых пирамид. Герой, возникший из потребностей рекламного бизнеса компании «МММ», как некогда Афина Паллада родилась из головы Зевса. Но это уже другая тема – хотя, впрочем, не совсем другая.

1. Мифы народов мира. – М., 1982.

2. Чередниченко Т. Наш миф/Мировое древо: Arbor mundi.-1992.-№1.